

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман «На Западном фронте без перемен» был опубликован в 1928 году. К этому времени его автор уже набрал достаточно опыта и жизненного, и профессионального литературного. Три года он был в окопах Первой мировой войны, пришел домой в 1918-м, работал учителем, бухгалтером, коммивояжером, каменотесом, органистом. Много писал, выпустил несколько книг, но они прошли незамеченными. Стефан Цвейг, к которому обратился начинающий литератор за помощью, посоветовал молодому человеку попробовать себя в журналистике. Ремарк работал в различных немецких изданиях, а в 1925 году переехал в Берлин и устроился редактором спортивной газеты.

В берлинской же «Vossische Zeitung» по главам напечатали его третий роман «На Западном фронте без перемен». А в 1929 году он вышел отдельной книгой. И стал, как говорят сейчас, бестселлером. За один год в одной только Германии продано было... миллион (!) экземпляров.

Роман был экранизирован уже в 1930-м, но этим фильмом шествие Ремарка по киноэкрану отнюдь не закончи-

*Эрих Мария
Ремарк
в годы Первой
мировой
войны*

*«На Западном
фронте
без перемен».
Обложка
немецкого
издания*

лось. Судьба Пауля Боймера, его фронтовых друзей, его сверстников взволновала людей во всем мире. И не отошла в тень, даже когда поколение, прошедшее ад первой мировой бойни, закончило свое земное существование. Вторая экранизация романа состоялась в 1979 году, а третья — в 2012-м — каждое новое поколение пытается прочесть книгу по-своему.

На русский язык знаменитая книга была переведена практически сразу — в 1929 году. А в шестидесятые годы Эрих Мария Ремарк стал одним из любимых писателей поколения, которое критик Станислав Рассадин назвал «шестидесятники». И сейчас его романы читаются и перечитываются. Русскоязычных изданий только «На Западном фронте без перемен» насчитывается более семи десятков. К столетию рождения писателя российские филологи провели опрос среди нашей интеллигенции и выяснили, что Ремарк до сих пор весьма значим для читающей публики. На первом месте, разумеется, оказались «Три товарища». Но на втором, по количеству прочтений и по значимости, стоят рядом две книги: «Триумфальная арка» и «На Западном фронте без перемен».

Героев Ремарка относят к «потерянному поколению», чье будущее погребено в траншеях по обе стороны фронта. В 1920-е о ветеранах, не сумевших найти себя в мирной жизни, писали многие: Эрнест Хемингуэй, Френсис Скотт Фитцджеральд, Ричард Олдингтон, Уильям Фолкнер. Все они представители англоязычного мира. Скорее всего, это объясняется тем, что и в Америке, и даже в Британии, до последнего момента пытавшейся сохранить нейтралитет, Первая

мировая воспринималась не совсем своей войной. Помогали европейским союзникам. А в Германии, где последствия поражения коснулись каждого в буквальном смысле этого слова, непримиримый пацифист Ремарк оказался все-таки в стороне от литературного «мейнстрима». Да, сначала его антивоенный роман расхваливали наперебой, но потом на автора начали нападать, обвиняя в отсутствии патриотизма. В 1931 году писателю пришлось эмигрировать, а в 1933-м пришедшие к власти нацисты лишили его гражданства, а книги запретили.

Но произведения Ремарка до сих пор нужны читательской публике — немецкой, европейской и мировой. В 1986 году в Оснабрюке, родном городе писателя, появилось объединение его имени. Отделения общества Ремарка открыты в России и Польше. А в 1991 году жители родного города писателя учредили премию Мира в память о своем выдающемся земляке, и первым ее лауреатом стал известный германист Лев Копелев. В Сети, в Рунете, «ВКонтакте», существует группа русских почитателей Ремарка, совсем молодые люди, для которых издание даже 1992 года — уже пожелтевшая древность. Но сам писатель, родившийся в конце позапрошлого века, — для них человек вполне современный, которому можно задавать важнейшие вопросы, с которым можно говорить о любви и о смерти.

Нам кажется, что роман «На Западном фронте без перемен» до сих пор необходим читателю. В том числе русскому. Мы предлагаем читающей публике новое издание книги, текст которой осмыслен с точки зрения дня сегодняшнего и снабжен комментариями. Люди, которые зачитывались Ремарком в 1929 году, хорошо знали реалии мира, в котором живут, борются и погибают герои писателя. Сейчас эти подробности стусеивались под напором картин более поздних войн, и в первую очередь Второй мировой. К тому же Ремарк и не собирался детально описывать подробности военной жизни. Он ставил задачу нарисовать экспрессивную картину ада, мясорубки, которая перемолола целое поколение. Но

*Эрих Мария
Ремарк,
1950-е гг.*

современному читателю, на наш взгляд, необходимо знать сугубые частности фронтовой жизни и — основные перипетии Первой мировой войны. Той самой войны, которая, как полагают некоторые историки, начала разрушать европейскую цивилизацию, запустила процесс, уже, возможно, ставший необратимым. Еще в 1914 году начавшуюся войну кто-то назвал Великой. В результате ее распались четыре мировые империи: Австро-Венгерская, Российская, Германская, Османская. Погибло почти 10 млн. человек. Было ранено 20 млн, из них 3,5 остались калеками на всю жизнь. Из-за войны снизилась рождаемость, и по этим причинам население в 12 воевавших странах уменьшилось на 20 млн человек.

Причины войны отыскать трудно. Президент США Вудро Вильсон утверждал, что «война началась по всем причинам сразу». Но готовилась она еще в конце XIX столетия. В 1879 году Германия заключила военный союз с Австро-Венгрией. В 1893-м Россия и Франция оформили свое соглашение. В 1904-м году Британия подписывает договор с Францией, названный Антантой (от французского слова entente, то есть согласие). В 1907-м году она же заключила договор с Россией. Узлом напряжения в Европе стали Балканы, где в 1912—1913

годах прошли две войны, короткие, но кровопролитные. А в июне 1914-го в городе Сараево сербский националист Гаврило Принцип убил австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда. Этот террористический акт не был истинной причиной войны, но — послужил ее поводом, *casus belli*.

Постепенно в войну оказались вовлечены 33 страны, не считая колоний. Воевали армии уже не кадровые, а мобилизованные в ходе войны. В странах Антанты призвали на военную службу свыше 45 млн человек, а в Центральных державах (Германия — Австро-Венгрия — Болгария) — 25 млн.

По мнению многих историков саму войну можно разделить на три этапа:

- маневренный (на Западном фронте — 1914 год, а на Восточном продолжался и в 1915);
- позиционный (кампании 1915 — 1917 гг.);
- завершающий (крупные французские операции) — 1918 год.

Восточный фронт, на котором Россия сражалась против Германии и Австро-Венгрии, оказался более подвижным, чем Западный, где друг против друга встали Германия с одной стороны и Франция с Британией с другой. Кавалерия, ударная сила всех армий двух предыдущих столетий, в Первую мировую войну смогла проявить себя только на востоке Европы. Зато на Западе ее сменила «воздушная конница» — авиация, получившая мощный толчок к развитию именно в военные годы. Война вообще оказалась двигателем развития техники. Но она же в буквальном смысле втоптала в грязь целое поколение молодых европейцев.

К сожалению, в русской литературе нет романов о людях, сражавшихся в Первую мировую. Возможно потому, что на Россию накатились волны войны Гражданской. Тем любопытнее может оказаться для нашего читателя представленная возможность: разобраться в перипетиях судьбы Пауля Боймера, героя Эриха Марии Ремарка. На первый взгляд роман «На Западном фронте без перемен» представ-

ляется довольно простым. Но следует иметь в виду, что перед нами монолог героя. Он не рассказывает о том, что видит, он — эмоционально оценивает свои впечатления. Первые читатели Ремарка сами прошли окопы и траншеи Великой войны. Они были конгениальны писателю, они видели ряды колючей проволоки, сражались и с вражескими солдатами, и с крысами, и с вшами, и со своими же интендантами. Люди, живущие в XXI столетии, должны знать условия, в которых действуют герои романа. С этой точки зрения и был подготовлен комментарий к тексту.

Другая сторона проблемы — сложная конструкция самого текста. Ремарка упрекали в чрезмерном упрощении, сетовали, что он, мол, пишет для усредненной «Луизы Мюллер». Но стоит внимательно вчитаться, и мы увидим отсылки и аллюзии, все приметы того, что современные филологи называют «интертекстуальностью». Думаю, что роман еще ждет своего читателя-профессионала. Но литературоведческие штудии не входили в наши задачи. Мы предлагаем реалии быта Первой мировой войны, то есть фундамент, на котором должен стоять человек, открывающий первую страницу знаменитой книги. Он узнает, что из роты, в которой служит герой Ремарка, с передовой вернулась лишь малая часть. И это ужасное сообщение — только пролог к роману...

Владимир Соболев

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов*.

---

* Здесь и далее знаком «*» отмечены ссылки на комментарии.

I

Мы стоим в девяти километрах от передовой*. Вчера нас сменили; сейчас наши желудки набиты фасолью с мясом, и все мы ходим сытые и довольные. Даже на ужин каждому досталось по полному котелку; сверх того мы получаем двойную порцию хлеба и колбасы, — словом, живем неплохо. Такого с нами давненько уже не случилось: наш кухонный бог со своей багровой, как помидор, лысиной сам предлагает нам поесть еще; он машет черпаком, зазывая проходящих, и отваливает им здоровенные порции. Он все никак не опорожнит свой «пищемет», и это приводит его в отчаяние. Тьяден и Мюллер раздобыли откуда-то несколько тазов и наполнили их до краев — про запас. Тьяден сделал это из обжорства, Мюллер — из осторожности. Куда девается все, что съедает Тьяден, — для всех нас загадка. Он все равно остается тощим, как селедка.

Но самое главное — курево тоже было выдано двойными порциями. На каждого по десять сигар, двадцать сигарет и по две плитки жевательного табаку. В общем, довольно

прилично. На свой табак я выменял у Катчинского его сигареты, итого у меня теперь сорок штук. Один день протянуть можно.

А ведь, собственно говоря, все это нам вовсе не положено. На такую щедрость начальство не способно. Нам просто повезло.

Две недели назад* нас отправили на передовую, сменять другую часть. На нашем участке было довольно спокойно, поэтому ко дню нашего возвращения каптенармус получил довольствие по обычной раскладке и распорядился варить на роту в сто пятьдесят человек*. Но как раз в последний день англичане вдруг подбросили свои тяжелые «мясорубки»*, пренеприятные штуковины, и так долго били из них по нашим окопам, что мы понесли тяжелые потери, и с передовой вернулось только восемьдесят человек.

Мы прибыли в тыл ночью и тотчас же растянулись на нарах, чтобы первым делом хорошенько выспаться; Катчинский прав: на войне было бы не так скверно, если бы только можно было побольше спать. На передовой ведь никогда толком не поспишь, а две недели тянутся долго.

Когда первые из нас стали выползать из барачков, был уже полдень. Через полчаса мы прихватили наши котелки и собрались у дорогого нашему сердцу «пищемета»*, от которого пахло чем-то наваристым и вкусным. Разумеется, первыми в очереди стояли те, у кого всегда самый большой аппетит: коротышка Альберт Кропп, самая светлая голова у нас в роте и, наверно, поэтому лишь недавно произведенный в ефрейторы; Мюллер Пятый, который до сих пор таскает с собой учебники и мечтает сдать льготные экзамены; под ураганным огнем зубрит он законы физики; Леер, который носит окладистую бороду и питает слабость к девицам из публичных домов для офицеров; он божится, что есть приказ по армии, обязывающий этих девиц носить шелковое белье, а перед приемом посетителей в чине капитана и выше — брать ванну; четвертый — это я, Пауль Боймер. Всем четверым по девятнадцати лет*, все четверо ушли на фронт из одного класса.

Сразу же за нами стоят наши друзья: Тьяден, слесарь, тщедушный юноша одних лет с нами, самый прожорливый солдат в роте, — за еду он садится тонким и стройным, а поев, встает пузатым, как насосавшийся клоп; Хайе Вестхус, тоже наш ровесник, рабочий-торфяник, который свободно может взять в руку буханку хлеба и спросить: «А ну-ка отгадайте, что у меня в кулаке?»; Детеринг, крестьянин, который думает только о своем хозяйстве и о своей жене; и, наконец, Станислав Катчинский, душа нашего отделения, человек с характером, умница и хитрюга, — ему сорок лет, у него землистое лицо, голубые глаза, покатые плечи, и необыкновенный нюх насчет того, когда начнется обстрел, где можно разжиться съестным и как лучше всего укрыться от начальства.

Наше отделение возглавляло очередь, образовавшуюся у кухни. Мы стали проявлять нетерпение, так как ничего не подозревавший повар все еще чего-то ждал.

Наконец Катчинский крикнул ему:

— Ну, открывай же свою обжорку, Генрих! И так видно, что фасоль сварилась!*

Повар сонно покачал головой:

— Пускай сначала все соберутся.

Тьяден ухмыльнулся:

— А мы все здесь! Повар все еще ничего не заметил:

— Держи карман шире! Где же остальные?

— Они сегодня не у тебя на довольствии! Кто в лазарете, а кто и в земле!

Узнав о происшедшем, кухонный бог был сражен. Его даже пошатнуло:

— А я-то сварил на сто пятьдесят человек! Кроп ткнул его кулаком в бок:

— Значит, мы хоть раз наедемся досыта. А ну давай, начинай раздачу!

В эту минуту Тьядена осенила внезапная мысль. Его острое, как мышьяная мордочка, лицо так и засветилось, глаза лукаво сощурились, скулы заиграли, и он подошел поближе:

— Генрих, дружище, так, значит, ты и хлеба получил на сто пятьдесят человек?

Огорошенный повар рассеянно кивнул.

Тьяден схватил его за грудь:

— И колбасу тоже? Повар опять кивнул своей багровой, как помидор, головой. У Тьядена отвисла челюсть:

— И табак?

— Ну да, все.

Тьяден обернулся к нам, лицо его сияло:

— Черт побери, вот это повезло! Ведь теперь все достанется нам! Это будет — обождите! — так и есть, ровно по две порции на нос!

Но тут Помидор снова ожил и заявил:

— Так дело не пойдет.

Теперь и мы тоже стряхнули с себя сон и протиснулись поближе.

— Эй ты, морковка, почему не выйдет? — спросил Катчинский.

— Да потому, что восемьдесят — это не сто пятьдесят!

— А вот мы тебе покажем, как это сделать — проворчал Мюллер.

— Суп получите, так и быть, а хлеб и колбасу выдам только на восемьдесят, — продолжал упорствовать Помидор.

Катчинский вышел из себя:

— Послать бы тебя самого разок на передовую! Ты получил продукты не на восемьдесят человек, а на вторую роту, баста. И ты их выдашь! Вторая рота — это мы.

Мы взяли Помидора в оборот. Все его недолюбливали: уже не раз по его вине обед или ужин попадал к нам в окопы остывшим, с большим опозданием, так как при самом пустяковом огне он не решался подъехать со своим котлом поближе, и нашим подносчикам пищи* приходилось ползти гораздо дальше, чем их собратьям из других рот. Вот Бульке из первой роты, тот был куда лучше. Он, хоть и был жирным